

ВЕРБАЛЬНАЯ ИРОНИЯ: СВОЙСТВО ТЕКСТА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ?

К. М. Шилихина

Воронежский государственный университет
кафедра теоретической и прикладной лингвистики

Первая часть статьи посвящена обсуждению понятия *дискурсивная практика* и возможности его применения для описания вербальной иронии. Во второй части статьи рассматривается роль адресата в реализации дискурсивной практики иронии в различных сферах коммуникации.

Ключевые слова: *вербальная ирония, модель коммуникации, дискурсивная практика, адресат, инференция*

Ирония – семантически и прагматически более сложный способ общения по сравнению с прямой коммуникацией. Ряд свойств позволяет отступить от традиционного понимания иронии как риторического тропа или коммуникативной стратегии и применить для её описания понятие *дискурсивной практики*. В исследованиях, посвящённых проблемам коммуникации, это понятие является не таким популярным, как, например, понятие *социальная практика*, однако можно привести несколько примеров попыток его определения и использования. Так, К. Трейси даёт максимально размытое определение: «Discursive practice is talk activities that people do» (Дискурсивная практика – это речевые действия, которые осуществляют люди (пер. наш – **К. Ш.**) [13, с. 21]. Данное определение хорошо вписывается, с одной стороны, в стандартную прагматическую модель в духе Дж. Серля [12], Дж. Остина [7] и других классиков лингвистической прагматики, а с другой – в теорию речевой деятельности [3]. Для данного исследования в приведённом выше определении важно то, что дискурсивная практика – это прежде всего набор речевых действий.

Гораздо более информативное определение находим у Мишеля Фуко в работе «Археология знания», где дискурсивная практика определяется следующим образом: «Это совокупность анонимных исторических правил, всегда определённых во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [5, с. 117].

Таким образом, к обозначенной выше характеристике дискурсивной практики как набору речевых действий добавляется ещё одно важное свойство: существует набор правил, по которым эта практика реализуется.

Мы считаем, что можно выделить ещё несколько важных свойств дискурсивной практики:

1. Дискурсивная практика не зависит от сферы общения.

2. Дискурсивная практика транслирует определённые социальные отношения.

3. Существует набор способов кодирования (языкового оформления) этих отношений.

4. Существует набор ролей для участников дискурса, участвующих в реализации определённой дискурсивной практики.

Наблюдения за тем, как люди используют иронию в дискурсе, позволяют говорить о том, что ирония – это именно дискурсивная практика.

Во-первых, ирония реализуется в речевых действиях, которые не привязаны к конкретному языковому уровню. Эти речевые действия могут быть обнаружены практически в любой сфере общения. Примером иронии в общественно-политическом дискурсе могут быть вопросы, заданные Б. Грызлову читателями новостного сайта www.gazeta.ru:

243. Борис Вячеславович! Скажите, а власть действительно разворачивает?

1095. Как получилось так, что в одном месте собралось столько патриотов, что Россия не знала никогда? [15].

Ирония формирует определённый тип отношений, а именно – отношения асимметрии между участниками коммуникации [6]. Говорящий – инициатор иронии – всегда оказывается в более выгодном положении по сравнению с тем, на кого ирония направлена.

Можно говорить и о том, что существует набор способов языкового оформления иронии (например, устойчивые выражения или ироническая номинация) – лингвистический анализ иронии часто сводится к перечислению этих способов [1; 4]. Наконец, можно назвать ряд ролей, обязательных для реализации иронии в дискурсе. В первую очередь это говорящий, во вторую – объект иронии, и, наконец, адресат иронического высказывания или текста (иногда роли объекта иронии и того, кому ирония адресована, могут совпадать).

Когда мы говорим, что ирония – это способ создания социальных отношений, мы делаем достаточно сильное обобщение. Функции иронии можно охарактеризовать и более детально. Ирония полифункциональна: с её помощью говорящий может одновременно обозначать свою коммуникативную позицию, выражать отношение к объекту (иногда исследователи называют объект иронического отношения жертвой) иронии, развлекать слушающего/читающего, отделять «своих» от «чужих» и т.д. [10]. Иными словами, с помощью иронии осуществляется трансляция социальных отношений между участниками коммуникации. В стандартной прагматической модели ответственность за результат коммуникации, как правило, лежит на говорящем. Поэтому неудивительно, что ирония воспринимается в основном как результат действий говорящего, поскольку именно он является инициатором иронического отношения. Адресату отводится пассивная роль принимающего информацию. Между тем, необходимо помнить о том, что анализ дискурса (в том числе и иронического) может осуществляться с различных перспектив: существует перспектива говорящего, перспектива

интерпретатора; кроме того, точкой отсчёта могут стать непосредственно лингвистические свойства текста. Заметим, что от выбора перспективы во многом зависят не только способы анализа, но и результаты исследований.

В рамках лингвистической прагматики и анализа дискурса сегодня существует несколько конкурирующих теорий вербальной иронии [8; 11]. Их объединяет отношение к иронии не как к риторическому тропу, но как к сложному способу социального взаимодействия между коммуникантами. Однако между теориями существуют существенные различия, которые объясняются, среди прочих, и тем, что своеобразными «точками отсчёта» для исследователей служат разные компоненты коммуникативной ситуации. Чаще всего такой точкой отсчёта становится позиция говорящего как инициатора иронии. Анализ иронии говорящего предполагает внимание исследователя к способам «упаковки» коммуникативной интенции и прагматическим целям использования иронии. Характерной особенностью прагматических теорий, описывающих иронию с позиции говорящего, является использование сконструированных высказываний в заранее заданном контексте. Самый популярный пример – высказывание «Чудная погода!», произносимое в ситуации ненастья, фигурирует в большинстве публикаций. Ярким примером такого подхода может служить теория иронии-как-эха Д. Уилсон и Д. Спербера [14].

Лингвистические свойства текста также могут служить отправным пунктом для исследования иронического дискурса. К «текстоцентрическим» подходам можно отнести и риторические концепции иронии, в которых именно текст считается источником и носителем иронии. Исследователи концентрируют основное внимание на лексических и грамматических свойствах текста, которые передают скрытые смыслы [1; 2; 4]. Опора на готовое текстовое произведение частично снимает проблему искусственности иронических высказываний в прагматических концепциях. С другой стороны, многие исследователи ориентируются на тексты художественных произведений, языковые свойства которых значительно отличаются от норм разговорной речи.

По сравнению с двумя названными перспективами позиция адресата нечасто становится базой для изучения иронии. Однако подобно тому, как речь о порядке или беспорядке может идти только тогда, когда кто-то восстанавливает отношения между объектами, ирония «срабатывает» лишь в том случае, если адресат интерпретирует высказывание или текст как содержащий ироническую интенцию.

Ясно, что эта перспектива – одна из самых сложных, поскольку интерпретация иронического высказывания – многофакторный процесс. Именно эта многофакторность усложняет описание правил дискурсивной практики иронии.

Ещё одна трудность связана с тем, что реакцию адресата нельзя проследить на искусственно сконструированном высказывании или отрывке из художественного текста. Необходимо анализировать более крупные

фрагменты дискурса, чтобы исследовать реакцию адресата на коммуникативные действия говорящего – инициатора иронии.

Сразу оговоримся, что на самом деле такое жёсткое разделение исследовательских перспектив является условным, поскольку в реальном дискурсе действия всех его участников взаимосвязаны и предполагают друг друга. Позиции участников дискурса важны постольку, поскольку ирония является контекстно-зависимой дискурсивной практикой. Лингвистические свойства текста также не могут быть оставлены без внимания, так как его синтаксическая организация и лексическое наполнение служат своеобразным сигналом для интерпретации иронической интенции говорящего. При этом информация, выраженная имплицитно, влияет на восприятие и интерпретацию текста адресатом.

Изучая реакцию адресата, можно судить о том, «сработала» ли ирония. В качестве примера приведём диалог, записанный автором статьи:

Дочь за обедом жалуется на неудачи во время игры в баскетбол в школе. Во время разговора девочка ест одно печенье за другим:

– Прикол, мам, у меня по физкультуре три сегодня.

– А чего вы делали? Опять через козла прыгали?

– Да нет... На баскетболе ... у меня не получается, я из десяти раз попадаю только один!

Дочь берёт очередное печенье.

Мать:

– Поля, ты голодная?

Поля смотрит, пауза.

– Да! (улыбается).

– Ну, куда ты столько ешь? Вот тут ты... у тебя стопроцентное попадание в корзину. Вот в эту корзину – тут да. Все броски трёхочковые.

– (с обидой) Ну, что всегда... Что, поесть нельзя? (кладёт печенье).

Реакция на ироническую критику показывает, что ирония «состоялась»: адресат правильно понял интенцию говорящего, необходимый эффект – сделать так, чтобы ребёнок не ел много сладкого – достигнут.

Семантическая и прагматическая неоднозначность иронии, с одной стороны, усложняет общение. С другой стороны, ирония позволяет адресату реагировать на неё по-разному, в том числе и отказывать говорящему в праве на использование иронии. Примером такого развития событий может служить диалог пользователей одного из Интернет-форумов:

– Зараза, как вы можете есть суп день-два! Такое варево нездоровое! Надо готовить для каждого и в отдельной кастрюльке! Одну тарелку и не более! И что бы съесть через 15 минут после приготовления. Освальное – фи! – вылить свиньям!

*– **Ваша ирония неуместна** (выделено нами. – **К. Ш.**). Да, я не могу есть вчерашнее. Точнее, могу, но не хочу. А зачем? Если это можно приготовить за полчаса и есть каждый день свежее? Тем более каждый день хочется другого. Понимаю, что некоторым удобно двадцатилитровую кастрюлю тыквенной каши наварить и разогреть каждый день! [16].*

Характерно, что оба участника диалога используют иронию, подчёркивая абсурдность точки зрения собеседника: этот фрагмент иллюстрирует прагматический потенциал иронии в «позиционной борьбе» коммуникантов.

Понимание иронической интенции основано на инференции – операции логического вывода. Атрибуция иронии – это инференция не только семантическая, но и прагматическая, поскольку включает определение оценочного отношения говорящего к объекту иронии. Поиск скрытых смыслов «запускается», если адресат обнаруживает несоответствие между ситуацией и тем, что сказано/написано.

Что позволяет адресату интерпретировать текст или высказывание как иронию? Ирония основана на несоответствии между двумя семантическими планами высказывания: эксплицитным и имплицитным. Эти планы, в свою очередь, связаны с двумя различными ситуациями, отдельные элементы которых могут противоречить или не соответствовать друг другу. Диссонанс между этими элементами может проявляться в разной степени, и это объясняет, почему не все случаи иронии в дискурсе являются скрытым отрицанием того, что выражено эксплицитно.

Способность создавать и понимать иронию – яркий пример того, как творческая функция языка реализуется в действиях всех участников дискурса. Семантическая двойственность вербальной иронии предполагает одновременную актуализацию знаний о ситуациях, которые сопоставляются в ироническом высказывании. Активная роль адресата заключается в сравнении этих ситуаций и обнаружении несовместимых друг с другом элементов. Это основные когнитивные операции, необходимые для понимания иронии в дискурсе.

Список литературы

1. Ермакова, О. П. Ирония и её роль в жизни языка [Текст] / О. П. Ермакова. – Калуга : КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. – 204 с.
2. Ермакова, О. П. Виды объективации текстовой иронии [Текст] / О. П. Ермакова // Славистика: синхрония и диахрония. Сб. науч. ст. к 70-летию И. С. Улукханова. – М. : ИЦ Азбуковник, 2006. – С. 284–291.
3. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность [Текст] / А. А. Леонтьева. – 3-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2005. – 211 с.
4. Походня, С. И. Языковые виды и средства реализации иронии [Текст] / С. И. Походня. – Киев : Наукова думка, 1989. – 126 с.
5. Фуко М. Археология знания [Текст] / М. Фуко / пер. с фр. М. Б. Раковой и А. Ю. Серебрянниковой. – СПб. : СЛОВО, 2004. – 412 с.
6. Шилихина, К. М. Ирония как способ повышения авторитетности [Текст] / К. М. Шилихина // Авторитетность и коммуникация: коллективная монография; серия «Аспекты языка и коммуникации»; Вып.4 / под ред. В. Б. Кашкина. – Воронеж : ВГУ, 2008. – С. 184–194.
7. Austin, J. How to Do Things with Words [Текст] / J. Austin. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1975. – 168 p.
8. Colston, H. L. A Brief History of Irony [Текст] / H. L. Colston, R. W. Gibbs // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader / Ed. by H. L.

- Colston and R. W. Gibbs. Lawrence Erlbaum Associates. – New York, London, 2007. – P. 3–24.
9. Harnad, S. To Cognize is to Categorize: Cognition is Categorization [Текст] / S. Harnad // Handbook of Categorization in Cognitive Science / Ed. by H. Cohen, C. Lefebvre. – Amsterdam, Boston, etc. : Elsevier, 2005. – P. 20–45.
10. Hutcheon, L. The complex Functions of Irony [Текст] / L. Hutcheon // Revista Canadiense De Estudios Hispánicos. – 1992. – Vol. XVI, 2. – P. 219–234.
11. Kothoff, H. An Interactional Approach to Irony Development [Текст] / H. Kothoff // Humor in Interaction / Ed. by N. Norrick & D. Chiaro. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2009. – P. 49–78.
12. Searle, J. Expression and Meaning [Текст] / J. Searle. – London : Cambridge University Press, 1979. – 197 p.
13. Tracy, K. Everyday Talk: Building and Reflecting Identities [Текст] / K. Tracy. – New York : Guilford, 2002. – 230 p.
14. Wilson, D. On Verbal Irony [Текст] / D. Wilson, D. Sperber // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader / Ed. by H. L. Colston and R. W. Gibbs. Lawrence Erlbaum Associates. – New York, London, 2007. – P. 35–56.
15. Тандем будет и после 2012 года [Электронный ресурс] : Online-интервью с Б. Грызловым / Газета.ru – Электрон. газета. – М., 2010. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/interview/nm/s3337459.shtml?allq100>. – Дата обращения: 16.07.2010. – Загл. с экрана.
16. WOMAN.ru [Электронный ресурс] : – Форум для женщин – Электрон. дан. – М., 2010. – Режим доступа: <http://www.woman.ru/home/culinary/thread/3940352/>. – Дата обращения: 15.08.2010. – Загл. с экрана.

**VERBAL IRONY:
A PROPERTY OF TEXT OR RESULT OF INTERPRETATION?**

K. M. Shilikhina

Voronezh State University
Department of Theoretical and Applied Linguistics

The first part of the paper discusses the concept of *discursive practice* and its applicability to the research of verbal irony. The second part of the paper focuses upon the role of addressee in ironic discourse.

Key words: verbal irony, model of communication, discursive practice, addressee, inference

Об авторах:

ШИЛИХИНА Ксения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета, e-mail: shilikhina@gmail.com, 394006, г. Воронеж, Университетская пл., 1.